

Москва военная

Правда, несколько непривычно выглядели центральные площади, раскрашенные в тусклые цвета камуфляжа, и наиболее знаменитые здания с витринами, заложеными доверху мешками песка; кроме того, рядом с театральными афишами появились призывы к донорам, добровольцам ополчения, к женщинам – сменить мужей у станков, а в картинных галереях, какие ещё оставались на месте, прежде всего бросались в глаза адреса ближайших бомбоубежищ. Но как никогда чудесно сияло солнце в почти невыносимой синеве, только теперь это никому не было нужно и, больше того, даже мучило напоминанием о чём-то бесконечно дорогим, утраченном надолго. А в улицах, по жаре, шли то солдаты в шинельных скатках, то отряды молодёжи с лопатами на плечах, то первые партии притихших московских малышей. Они покидали столицу без обычных шалостей и песенок, однако и без слёз, неестественно прямясь от тяжести рюкзаков; матери поддерживали сзади их ноши.

В сумерки всё это бесследно поглощали вокзалы, и тогда по шоссеиной магистрали, как раз за дендрарием Лесохозийственного института, на всю ночь начиналось движение танков. Машины отправлялись своим ходом, волна за волной; природа содрогалась от лязга и зябла от обилия железа. В такие вечера взоры всех без исключения обращались в одну и ту же сторону: в гаснущей полоске заката всем одинаково виделось зарево надвигающейся войны.

Она добралась до Москвы лишь месяц спустя, когда на рассвете однажды чёрное облако, похожее на разлитую тушь, поднялось в небе Подмоскovie: после первого налёта горела толевая фабричка в Филях. Вскоре воздушный удар повторился, и опять внешне всё по-старому оставалось на Москве, но какое-то новое, строгое, обязывающее содержание открылось в её древних камнях. Именно в те дни созревало у москвичей сознание единства, исторического превосходства над противником и ещё тот, притупляющий боль и сожаления, молчаливый гнев, из которого творится пламя подвига; страна уже нуждалась в нём. Сильные внезапно нападения германские войска к середине июля прорвались к Ярцеву, через Демидов и Духовщину, с севера обойдя Смоленск; и в прежних войнах всегда требовалось особое время всколыхнуть глубинные просторы России. Из-за этого лётная трасса на Москву сократилась втрое, и отныне каждую ночь на подступах к ней разгоралась жаркая схватка зениток с фашистской авиацией.

С наступлением темноты стаи серебряных аэростатов заполняли небо, а в шумовую мелодию города вступали властные, никогда не освоенные человеческим ухом инструменты воздушной тревоги. Они заставляли умолкнуть всё, даже шелест листвы и детский плач, словно живое страшилось обнаружить себя, а улицы становились такими длинными, что казалось, никак не добежишь до их конца.

Л. Леонов „Русский лес” (1953)